

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Оформление серии *С. Власова*

Колочкова, Вера.
К61 Коварство, или Тайна дома с мезонином : роман / Вера Колочкова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 288 с. — (О мечте, о любви, о судьбе. Проза Веры Колочковой).

ISBN 978-5-699-82179-2

Тина живет тихой и спокойной жизнью в селе Белоречье. Кажется, что дни ее полны счастья и гармонии — есть уютный дом, любимый мужчина, любящие дочка и внучка. Но однажды на пороге дома появляются незваные гости — дети бывшего мужа приехали сообщить о его смерти. Этот визит пробуждает в Тине болезненные воспоминания о былой любви и страшной обиде...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-82179-2

© Колочкова В., текст, 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Россия может разделить судьбу Древнего
Рима: культура останется, а народ исчезнет.

Владимир Набоков

Глава 1

День выдался тем самым — особенным, легко летящим и осязаемо счастливым. Не ярким и не жарким. Перетек ласково теплым песком из горсти в горсть, от утра к полудню. Тина очень любила такие дни. Они образовывались как-то сами собой, с первого момента пробуждения, будто ощущение счастья давно стояло около ее кровати, улыбалось тихо и только того и ждало, когда ж она изволит проснуться наконец, чтоб тут же устроиться у нее внутри поудобнее. Нет, ничего такого особенного, конечно, в такие дни не происходило, да и не должно было произойти. Все, в общем, как обычно — вон Анюта проснулась и, накормив грудью маленькую Сонечку, устраивает ее в коляске под старой грушей, вон соседка тетя Таня, повязавшись по-деревенски белым платочком, склонилась над грядкой и подслеповато щурится в буйно разросшееся ее огуречно-кудрявое плетение. И с речки слышны ломкие мальчишеские голоса, и плеск воды,

ВЕРА КОЛОЧКОВА

и музыка с соседней дачной усадьбы... Все, все как обычно. И только поселившись в ней с самого утра счастье живет отдельной, своей жизнью, пропуская через себя простые картинки летнего бытия и заставляя то замирать на вдохе, то блаженно улыбаться или, того глупее, долго смотреть, задрав голову, на плывущие по небу облака и слушать, слушать, слушать... В такие дни надо именно слушать, она это давно уже поняла. В такие дни солнце поет совсем тоненькой ноткой, когда льется с неба вот так, не изнурая, тихой и нежной июльской благодатью, отдаваясь прозрачному еще от ночной прохлады воздуху, который тут же и отзывается ей навстречу низким, чуть глуховатым благодарственным бархатом-звоном, принимая в себя солнечную нежность. И с пролетающих мимо облаков льется вниз своя мелодия — торжественная, высокая и самую чуточку горделивая — и ложится тонкой белой драгоценностью, как жемчуг в коробочку, в этот бархатный звон, вплетаясь очень удачно в музыку летнего счастья. Она слышит его, точно слышит! Вот и душа ее, торопливо почистив слежавшиеся мятые перышки, устремилась красивой белой птицей музыке этой навстречу и вместе с залетевшим во двор гуленой-ветром затевает свои игры на траве, на цветах, на дальнем

Коварство, или Тайна дома с мезонином

пригорке, на видимом с усадьбы белом берегу реки...

В такие дни Тина старалась жить, ни на что особо не отвлекаясь. Сама с собой и с живущим у нее внутри счастьем, сплошь состоящим из звуков, ощущений и особенного какого-то, до дрожи радостного волнения. Сил от него набиралась для жизни. Плавала, купалась в нем, улетала рука об руку со счастливой душой к небу. А то вдруг с солнечным лучом дружила-обнималась или шорох травы под босыми ногами внимательно слушала...

Нет, в обыденной жизни она была просто женщиной. Самой обыкновенной, с несложившейся, по принятым людским меркам, бабской судьбой. И с грузом нелегко прожитых лет за плечами. И с подкравшимся незаметно пенсионным возрастом. А вот поди ж ты — как повезло ей с этими счастливыми днями-то. Не забывает про нее ребячье звенящее счастье, никак не дает душе повзрослеть, да и телу не дает расплыться-раскиселиться, как ему и положено к законным своим пятидесяти пяти годам. Кажется, вот и сейчас бы запрыгала-завертелась, раскинув широко руки да прогнувшись в спине, как малолетка какая. Или как та героиня Островского, которая все взмыть над обрывом птицей пыталась. Хотя ну ее. Не надо про нее, и без того надоела за

ВЕРА КОЛОЧКОВА

тридцать долгих учительских лет — за такое время и самый яркий луч света в темном царстве погаснуть может. Вот героиня любимого Антона Палыча — те нет, те не надоели. С ними она, можно сказать, с детства дружит. Или, как недавно выяснилось Анюта, страдает комплексом «врожденной чеховоманки». Тоже нашлась юмористка доморощенная. Еще дочь называется...

Улыбнувшись, Тина прошла по мягкому ромашковому ковру в конец двора, заросшего по периметру шершавыми стволами подсолнухов попеременно с кустами золотых шаров — много желтого, хороший цвет, — тихо опустилась на бревно, почерневшие и порядочно потрескавшиеся от долгого лежания под снегом да дождем. Кто и зачем сюда привез эти бревна, она уже и не помнила. Но сидеть на них любила — особенно в такие вот дни. Ей казалось, что именно в этом уголке как раз все и сходилось в одну звенящую точку: и музыка солнца, неба и воздуха, и летающая рядом счастливой птицей душа, и вся прелесть летнего ее в этом дворе бытия вместе с приехавшими из города на выходные дни дочерью с внучкой... Закрыв глаза и откинувшись спиной на теплые бревна, она попыталась даже впихнуть каким-то образом в этот счастливый ряд и вопрос обыденный, то есть осмелилась подумать о том, что же бы ей такого хорошего на

Коварство, или Тайна дома с мезонином

обед приготовить. Ответ на вопрос пришел сам собой, тоже будто из этого счастливого ряда выплыл: готовь, мол, дорогая наша Тина, окрошку да оладьи со сметаной, и чтоб запах от них на всю усадьбу стоял. Не хватает, мол, в нашем счастли-
вом ряду обыкновенного сытного земного за-
паху...

«Сейчас полежу еще пять минут и пойду, — решила Тина, чуть приподняв голову и взглянув на Сонечкину коляску — не проснулась ли ее драгоценная внученька. — Надо Анюту хоть в выходные поесть заставить, иначе погибнет на своей диете. И с чего это взяла девчонка, что она толстая? Не толстая вовсе, а справная, как раньше в деревнях говорили. Кровь с молоком. Да и нельзя ей худеть, пока Сонечку кормит... Сейчас-сейчас... Еще пять минут... Уже встаю...»

— Тина! Тиночка! Ты где? Слышишь ли меня? Гости к тебе, Тиночка! — ворвался в счастливое ее состояние голос соседки тети Тани, и с ним одновременно гукнула нетерпеливым коротким звуком подъехавшая к воротам машина. Звук гудка был слуху незнакомым — Лёнина машина так никогда не гудит. А Митенька бы и вовсе на клаксон нажимать не стал, а пошел бы сам себе открывать ворота... Значит, чужие. Что ж, жаль. Придется отвлечься, выплыть на время из своего

ВЕРА КОЛОЧКОВА

счастливо-бездумного состояния. Ничего, она потом еще вернется...

Анюта уже спешила к воротам, натягивая поверх купальника старую клетчатую Митину ковбойку. Отодвинула засов на калитке, распахнула ее навстречу двоим, в нее зашедшим. Мужчина и женщина. Молодые совсем. Господи, кто же это... Лица такие знакомые... Похожие... Похожие... Нет, этого не может быть...

— Здравствуйте! — вежливо-холодно растянула в улыбке губы молодая женщина, одетая в серые джинсы-трубочки и гладко-белую футболку. Пряталась, впрочем, за этой простой сестростью да гладко-белостью фирменная дороговизна. Вернее, не пряталась. Наоборот, наезжала некой спесивостью — такой же, как и нарочито-вежливая улыбка с ее лица.

— Здравствуйте... А вам кого? — весело-вызывающе поинтересовалась Анюта, выставя снисходительную веселость впереди себя оружием против холодной вежливости гостыи.

— Скажите, Валентина Петровна Званцева здесь проживает?

— Да, здесь. Это мама моя...

— Да? Что ж... Тогда давайте знакомиться. Моя девичья фамилия тоже Званцева. И зовут меня Ольга. Ваша двоюродная сестра, стало быть. А это ваш брат, тоже двоюродный, — Никита

Коварство, или Тайна дома с мезонином

Званцев. А вы... Вы Анна Званцева, насколько я понимаю?

— Да... Да, я Анна... Только я не Званцева...

Анюта растерянно обернулась к медленно идущей к ним по дорожке матери и вздрогнула от естественно накатившего желания встать сейчас у нее на пути, закрыть спиной от этих гостей, от вежливо-холодного взгляда этой молодой женщины по имени Ольга, назвавшей ее сестрой. Господи, что это их принесло сюда, каким таким незванным ветром?..

Да, она знала, конечно же, что у нее есть двоюродные сестра и брат. Она даже, было дело, очень давно, правда, мечтала с ними и увидеться, и познакомиться поближе. Но, упаси бог, никогда не стала бы этого делать. Потому что кто знает, как бы к этому отнеслась мама — тема эта у них всегда была сверхзапретной. Нет, не больной, конечно, но зачем, скажите, ворошить лишний раз обстоятельства прошлого, круто изменившие мамину судьбу и на долгие годы застрявшие в сердце тяжелым камнем? Камнем, замешенным на любви, на обиде, на предательстве, на жалких усилиях простить-забыть, на бессонных ночах, на осознанном выборе своего женского одиночества. Чуть тронь этот камень — и тут же он даст о себе знать материнской грустной задумчивостью да мукой в глазах, спокойно

ВЕРА КОЛОЧКОВА

переносить которую Аня так и не научилась с самого своего детства. Она вообще всегда ощущала себя маминой защитницей. Дочерью-матерью. Дочерью — широкой спиной. Даже дочерью-грубиянкой, если понадобится. А как могло быть по-другому? Вот идет по дорожке такая маленькая и гибкая-хрупкая, и большие, не потерявшие к возрасту своей изумрудной зелени глаза распахнуты широко и радостно-открыто, и губы уже сложились в удивленную и широкую, заранее ко всему благожелательную улыбку... Не женщина — марсианка какая-то. Аэлита. Потому и не стареет, наверное...

— Мам, это к тебе, — делая шаг в сторону, словно и впрямь собираясь загородить мать спиной, настороженно произнесла Аня. — Познакомься, это Ольга и Никита Званцевы...

— Вы... Вы Машины дети? Да? Не может быть... А как вы здесь... Случилось что-нибудь? Что-то с Машей? — тихо и испуганно задавала свои вопросы Тина, переводя растеряннотно-загнаннотный взгляд с красиво-надменного Ольгинотго лица на лицо Никиты, рассматривающего ее с досадным равнодушием спешащей юности, вынужденной так бездарно терять драгоценное время в беседах с какой-то теткой, которой он и в глаза никогда не видел. Что из того, что она ему по крови родная, тетка эта. Какая разница. Все

Коварство, или Тайна дома с мезонином

равно чужая, получается. Если б не важное дело, черта с два поехал бы он в эту тьмутаракань — трястись в машине целые сутки...

— Нет, Валентина Петровна, — четко разделяя слова, словно с трудом сдерживая внутреннее раздражение перед чужой глупой растерянностью, заговорила Ольга. — С мамой нашей ничего не случилось. А вот отец два месяца назад умер. Такое вот дело. Наш отец, а ваш официальный муж, получается. Ведь вы, говоря языком юридическим, формально свой брак не расторгли... Ведь так?

— Да... Так... То есть нет, не расторгли... Так, значит, Антон умер... Два месяца...

— Ну да. Мама вам не сообщила — простите ее, конечно. Да и мы с Никитой тоже так решили — ни к чему это вам. Сами посудите — столько лет прошло, вы совсем чужими стали, и ваш брак с нашим отцом превратился в одну лишь пустую формальность. Я вообще не понимаю, почему вы его тогда еще не расторгли... А теперь вот у нас из-за этого сплошные проблемы! И нам бы хотелось все с вами спокойно и взвешенно обсудить. И постараться прийти к соглашению. К справедливому, я полагаю, соглашению...

— Так... Да, конечно... Проблемы... Антон умер...

Тина вдруг резко развернулась и быстро по-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

шла по тропинке к дому, как слепая, выставив вперед руку и держа спину очень прямо. Так изо всех сил старается держать прямо спину человек, боящийся упасть. Ольга удивленно проводила ее глазами и, пожав плечами, повернулась к Анюте, словно ждала от нее каких-то объяснений странного поведения матери. Анюта помолчала какое-то время, набывчившись, как девчонка-строптивица, потом нехотя произнесла:

— Что ж... Проходите в дом, раз приехали... Машину во двор загонять будете?

— Ну, я надеюсь, мы к вам ненадолго, — подстроившись под ее явно вынужденную вежливость, проговорила, тонко улыбнувшись, Ольга. И тут же поинтересовалась искренне: — Слушай, сестра, сколько тебе лет, а? Ты намного меня моложе?

— Мне двадцать пять. А что? А тебе сколько? — настороженно произнесла Анюта.

— А мне двадцать семь... Стало быть, Валентина Петровна не так уж долго после расставания с отцом горевала? Зря, выходит, наша мать всю жизнь чувством вины перед ней упивалась... Ни развода, ни официального для себя брака вовремя не потребовала...

— Слушай, ты... — обернувшись к ней, резко и зло сверкнув глазами, тихо прошипела Аню-

Коварство, или Тайна дома с мезонином

та, — ты не смей так о ней, поняла? Что ты об этом знаешь вообще?

— Да ничего я не знаю. Ты, пожалуйста, не обижайся, Ань. Нам и в самом деле ничего об этой истории не рассказывали. Ни отец, ни мать. Молчали всю жизнь, как партизаны. Что там у них произошло-то?

— Да я и сама толком ничего не знаю, — отчего-то смягчившись, доверчиво проговорила Аня. — И мама мне тоже никаких подробностей не рассказывала. Я только одно знаю — она всегда вашего отца любила. Все эти годы. И потому за моего отца замуж не вышла. А ты ей прямо с ходу в лоб выдала — два месяца как умер...

— Ну, я ж не знала, что тут такая трагедия! — широко развела руками Ольга. — Кому рассказать — не поверят. Сама подумай — сколько лет прошло! Столько вообще не живут, а не то что любят кого-то. Прямо как в старинных романах...

— Ладно, вы тут устраивайтесь пока, отдохните с дороги, я сейчас... У меня там ребенок проснулся...

Бросив гостей прямо у крыльца дома, она метнулась к качающейся мягко на нежных ресорах коляске, укрытой от постороннего глаза ветками старой груши, навстречу мелькающим из нее толстеньким ножкам и ручкам, навстречу милому материнскому сердцу кряхтению хорошо